

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведческих исследований

Том XXVI • 2023 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Номер посвящается юбилею монголоведа
Нины Павловны Шестиной (1898–1980)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 24.03.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvvoe.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/kp5x-gtke-a669

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

- С. С. Сабрукова.** Обзор личного фонда Н. П. Шастиной (1898–1980)
в Архиве востоковедов ИВР РАН 5

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ

- Р. Ю. Почекаев.** Процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о статусе судьи-дзаргучи
в Монгольской империи XIII в. 14
- Ю. И. Елихина.** Находки из Южного Хангая монголо-тибетской экспедиции
П. К. Козлова в коллекции Государственного Эрмитажа 22
- Т. Д. Скрынникова.** «Плач» Толуя в «Тайной истории монголов» 29

ФИЛОЛОГИЯ

- Ч. Заяасүрэн.** Хүүхдийн оюун ухааны хөгжилд аман зохиолын бага төрөл нөлөөлөх нь
(О влиянии малых жанров фольклора на интеллектуальное развитие детей) 35
- Г.-О. Батзаяа.** Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хуваалаан түүх, өнөөгийн байдал
(История и современное состояние классификации монгольских языков и их диалектов) 41
- Ц. Б. Селеева.** Поэтические особенности калмыцких народных загадок 61
- Б.-Х. Б. Цыбикова.** Традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии 73
- Д. В. Убушиева.** Иван Иванович Попов и его коллекция калмыцкого фольклора 80

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю. В. Болтач.** Одиннадцатые петербургские тибетологические чтения
(28 ноября 2022 г., ИВР РАН) 93
- Т. Г. Басангова.** Труды фольклористов Калмыцкого государственного
университета им. Б. Б. Городовикова за 2022 год 98
- Н. В. Ямпольская.** Рец. на: Чингис хааны нийслэл Хархорум хотын өв /
Ред. А. Энхтөр, ерөнхий ред. Г. Эрэгзэн, С. Чулуун. 2021. – 244 х. 101

IN MEMORIAM

- М. П. Петрова.** Памяти Д. Цэдэва (1940–2023) 105

Б.-Х. Б. ЦЫБИКОВА
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР В БУРЯТСКИХ ДИАСПОРАХ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

В статье освещается судьба бурятского фольклора в иноэтнической среде, на основе характеристики устной локальной традиции в двух территориально-изолированных группах бурят за рубежом выявлено своеобразие анклавных традиций в Китае и Монголии. Особенности бытования традиционного фольклора в эмигрантских диаспорах бурят связаны с характером расселения, окружения, среды; немаловажным фактором, повлиявшим на модификацию фольклорной культуры, послужили исторические условия, политические факторы взаимоотношений мигрантов и принимающего общества. Проанализировав фольклорно-этнографический ландшафт двух бурятских анклавов, сделан следующий вывод: если буряты Китая в чужом социокультурном окружении чувствуют себя частью этнических бурят России, то монгольские буряты, не забывая свои корни и истоки, имеют больше оснований считать себя неотъемлемой единицей монголосферы. Подобная ситуация своеобразно выразилась в том, что имеющийся фольклорный багаж бурятской диаспоры в Китае отличается своим этническим своеобразием, сочетающем в себе материнские и общемонгольские традиции; в Монголии же наблюдается тенденция слияния традиционного фольклора бурят с родственным халха-монгольским.

Ключевые слова: фольклор, бурятские диаспоры в Китае и Монголии.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

Об авторе: Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия) (bch58@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2023

© Цыбикова Б.-Х.Б., 2023

Исследование самобытной культуры этнических анклавов целесообразно для выявления сохранности и трансформации фольклора изолированной части бурятского этноса в полиэтнической среде. Как подчеркивают ученые, анклавность можно считать значимым фактором, влияющим на фольклорную традицию: «Известно, что стремление к самоидентификации особенно остро проявляется там, где образуются «замкнутые среды»: этнические или конфессиональные сообщества (анклавы), по разным историческим причинам вынужденно или добровольно покинувшие родные места и обосновавшиеся на инокультурных территориях» [Андреева, Белошеева, Ведерникова, Никитина, Рябов, Черенков, 2017. С. 270]. Анализ состояния локальной фольклорной

традиции в бурятских диаспорах, материнские истоки которой лежат в фольклоре российских бурят в частности, монгольских народов в целом является целью данной статьи.

Исторические события XX в. привели к тому, что буряты проживают в России, Китае и Монголии. Диаспоральные группы бурят в Китае и Монголии образовались в результате нескольких этапов перекочевков бурятских родов и семей, вызванных потрясениями Гражданской войны и глобальными переломами после нее в России. Исход осуществлялся в двух направлениях: выходцы из Приононья, Борзи, Агинских степей нынешнего Забайкальского края, представители отдельных родовых объединений из Бурятии обжились в приграничной с Забайкальем северной территории

Китая. Общая численность бурят, проживающих на территории компактного проживания в Эвенкийском хошуне Автономного округа Хулун-Буир Внутренней Монголии Китая, по данным 2010 г., «составляет 6441 человек, тогда как в целом в КНР насчитывается около 10 тыс. человек» [Бурятский язык, 2020. С. 68].

Бурятское население Монголии формировалось постепенно, в результате нескольких волн беженства из Аги, из бурятских южных районов (Закаменского, Тункинского, Селенгинского и др.); переселенцы оседали на северо-восточных землях Внешней Монголии, граничащих с Россией. «По данным переписи 2010 г., бурятами себя назвали 48450 человек, что составляет 1,7% от численности населения Монголии, которое было равно 2 805 825 человек. До сих пор не существует однозначной оценки численности бурят в Монголии в современное время. Разные источники указывают разные цифры, что обусловлено сокрытием своего этнического происхождения по разным причинам, из которых наиболее сильной является историческая память о годах репрессий» [Бурятский язык, 2020. С. 72].

Судьба бурятского фольклора в эмигрантских общинах сложилась в соответствии с характером расселения, окружения, среды, кроме того, на нее повлияли исторические условия, политические факторы взаимоотношений мигрантов и принимающего общества. Итак, как же представлен традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии?

Полевые записи сотрудников отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН последних лет показывают, что в фольклорном репертуаре бурят Китая до сих пор широко представлены все традиционные жанры народного творчества. В устной прозе шэнэхэнцев особое место занимают повествования о Гэсэре, являющиеся вариантами пекинской книжной версии монгольской Гэсэриады. Они отличаются оригинальной трактовкой эпического сюжета, по жанровым особенностям тяготеют к богатырской героической сказке.

Не утрачена традиция исполнения шэнэхэнскими бурятами сказок, основное место в их

репертуаре занимают волшебные сказки героического содержания. В активе знатоков сказочного фольклора представлены различные виды сказок — богатырские, волшебнo-фантастические, новеллистические, бытовые, кулулятивные. В своей основе весь сюжетно-тематический фонд сказок бурят Китая восходит к общебурятским традиционным сказочным сюжетам и мотивам. Общность идей, персонажного ряда бурятских сказок объединяет их с монгольской и калмыцкой сказкой. Помимо этого, идентичность общемонгольских сюжетов проявляется еще в разработке и использовании древнеиндийских письменных источников на старомонгольском языке, восходящих к «бродячим сюжетам». Наряду с этим, есть версии бурятских сказок, имеющих некоторые соответствия с международными сказочными типами.

В несказочной прозе бурят Внутренней Монголии, богато представленной мифологическими рассказами, легендами, преданиями, бытуют сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства; устными рассказами, содержащими важные ценностные установки и морально-нравственные нормы. Мифологическим контекстом отличаются сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах. В фольклорном материале китайских бурят особо выделяется культ неба — верховного существа, хозяина миропорядка, устанавливающего и регулирующего деятельность не только человека, но и животного мира на земле. Несказочная проза китайских бурят характеризуется большей степенью сохранности, по сравнению с материнской, древнего пласта общемонгольского фольклора с его мифологическими элементами.

Кроме того, устные рассказы, имеющие форму воспоминаний, содержат сведения исторического характера, сконцентрированные на вопросах выживания, самосохранения и социализации мигрантов на начальном этапе адаптации в новых условиях. В сюжетике подобных исторических нарративов отдельно

можно выделить тексты о буддийских священнослужителях — ламах, сыгравших определяющую роль в поддержании физического здоровья и духовного благополучия представителей бурятского этнического анклава.

Наиболее весомый объем записанного в Хулун-Буире материала составляют образцы песенного фольклора шэнэхэнских бурят. Старинные бурятские песни, пословицы, поговорки, загадки, характеризующиеся как наиболее устойчивый пласт устного творчества, по тематической направленности имеют много общего с общепурятским репертуаром.

Целостность привезенного собственного фольклорного багажа, бытовавшего до недавнего времени (вплоть до 60-ых годов XX в.), объясняется тем, что буряты Внутренней Монголии — люди, глубоко погруженные в свои исконные нормы, правила и модели поведения, основанные на опыте поколений; тщательно оберегающие свою социокультурную особенность, связанную с локальной этнической историей зарубежных бурят.

Вовлеченность первых переселенцев в китайскую среду была сильно ограничена в силу разных обстоятельств, из них выделяем в качестве основных два фактора: во-первых, отдаленность от китайских социально-экономических центров, во-вторых, подавляющее большинство перекочевавшего населения бурят верило в скорейшее возвращение на территории своего прежнего местожительства. Как «изоляты» этнолокальная общность бурят в Китае сохранила многие самобытные черты и проявления, «важные для понимания процессов трансляции культурной памяти». И одной из ценностных доминант в легендах и преданиях бурят Внутренней Монголии является память об исторической родине. Это также способствовало межпоколенческой передаче фольклорных знаний.

Таким образом, характер отношений локальной этнической группы бурят в Китае с окружающим населением — почти полная изоляция, что обеспечило целостность бытования традиционного фольклора. Как отмечают и этнографы, и фольклористы, и социологи, проводившие исследования в Шэнэхэне (так

называется местность компактного проживания бурят), «это люди, хорошо знающие и практикующие бурятские традиции и обряды, убежденные буддисты, ценители бурятского искусства и носители ярко выраженного этнического самосознания» [Болдохонов, 2011. С. 108].

Монгольские же буряты, не забывая свои корни и истоки, имеют больше оснований считать себя неотъемлемой единицей монголосферы: «Формирование бурятского этнического анклава в Монголии, начавшись со времен колониального движения русских в Сибирь, завершилось в XX в. Переселение бурят в Монголию в силу культурной близости и отсутствия языкового барьера не рассматривалось мигрантами как эмиграция» [Содномпилова, Нанзатов, 2018. С. 32]. В монгольском государстве подавляющее большинство составляют народы, находящиеся в культурном и языковом родстве и исповедующие одну религию, буддизм. Этим объясняется лояльность принимающего общества к близкородственному бурятскому населению. Исследователь, рассматривавший положение бурят в Монголии в первой четверти XX в. пишет: «Документы свидетельствуют, что монгольские руководители считали бурят родственным народом и проводили последовательную политику в их интересах, принимая во внимание насущные желания и стремления бурятских переселенцев, что выражалось не только в реализованных ими мероприятиях, но и в самом названии бурят. Так, монголы называли их *Дагаар орсон буриадууд* «перешедшие в Монгольское подданство» (буряты. — Б.-Х.Ц.), что звучит весьма уважительно. В обнаруженных документах на монгольском языке нигде не встречается выражение «бурятский эмигрант» [Хишигт, 2011. С. 187].

О фольклорном потенциале первопереселенцев свидетельствуют обнаруженные в рукописном отделе государственной библиотеки Академии наук Монголии два текста улигера хори-бурят на старомонгольском письме, зафиксированные, как гласит запись в конце текстов улигеров, «в 1916 г. простолюдином Санжайжин Данзано со слов бедняка Бурятского

хошуна Хан Хэнтэй аймака реки Керулена Дугара Манзарона» [Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд (Улигеры бурят Монголии), 1992. С. 4]. Эти два ритмически организованных, длинных стихотворных произведения из эпического репертуара мигрантов, привезенных с исторической родины, ярко иллюстрируют естественные условия бытования традиции в начале прошлого столетия, когда фольклорная культура процветала, являясь составной частью быта и жизнедеятельности аратов, и улигеры исполнялись в своих повествовательно-эпических формах в полном объеме и широкой аудитории слушателей.

Судя по экспедиционным записям, сделанным в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. в Хэнтэйском, Хубсугульском, Селенгинском и Восточном аймаках Монголии, где проживают за пределами исторической родины потомки агинских, хоринских, еравнинских, селенгинских бурят, можно было найти одаренных знатоков традиционного фольклора. Так, были зафиксированы в нескольких бурятских сомонах Монголии прозаические тексты о Гэсэре, «характеризующиеся общностью в следующих моментах с другими его вариантами: «Гэсэр — посланец неба. Его необыкновенность и сила — в органической связи с небесным миром. Гэсэр — вершитель справедливых дел, борющийся со злыми силами» [Бардаханова, 1989. С. 71].

Что же касается сказочного творчества, как отмечают участники международных советско-монгольских экспедиций, состоявшихся в бурятских сомонах в 1977, 1979, 1983 гг. у монгольских бурят, оно не утратило свои традиции [Бардаханова, 1989. С. 75]. В отчетах полевой работы указывается, что сказки принадлежат к общепурятской и общемонгольской художественной традиции. Подчеркивается исследователями факт передачи бурятами Монголии сказочного репертуара от старшего поколения последующим.

В материалах указанных экспедиций немало содержится текстов исторического характера о перекочевке бурят в Монголию, раскулачивании состоятельных людей, тяжелых испытаниях, павших на долю мигрантов в результате

проводимой правительственной верхушкой «этнической чистки», которые были лишены права на удовлетворение элементарных социальных потребностей, в том числе права на получение образования.

Зафиксированные в большом объеме в период трехэтапной экспедиции в бурятских сомонах Монголии малые жанры фольклора отражают общие традиционные нравственные каноны, систему ценностей, которым должен соответствовать каждый человек.

В богатейшем песенном репертуаре бурятских переселенцев, наряду с записями старинных бурятских лирических, ёхорных и обрядовых песен, есть песни о Ленине, Ворошилове, Юрии Гагарине, Германе Титове, ярко иллюстрирующие интерес мигрантов к событиям страны исхода, улавливается чувство сопричастности исполнителей фольклора к ним.

Едиными для репертуара бурят Монголии, России и Китая являются нарративы о заметных фигурах, обладающих харизматическими качествами и почитаемых народными массами (о Бальжан хатан, Бабжа-Барас-баторе, Шэлдээ Занги). Кроме того, тема о служителях культа разрабатывается в схожем мифопоэтическом русле и российскими, и китайскими, и монгольскими бурятами. В подобных сюжетах доминируют, прежде всего, мотивы о магическом даре шаманов и шаманок, о сверхъестественных способностях буддийских монахов. Надо сказать, что в несказочной прозе монгольских бурят оригинальностью отличаются сюжеты о предсказателе будущего, своего рода бурятском ясновидящем старце Молоне и защитнике обездоленных Аригун Бубэй, во множестве вариантов имеющих и у российских бурят, но не зафиксированных в среде бурят Внутренней Монголии Китая. По итогам экспедиций, состоявшихся в 70-е и 80-е годы прошлого столетия в бурятских сомонах Монголии, ученые сделали следующее заключение: традиционный фольклор живет «активной жизнью», сказки и песни наполняются новыми мотивами и деталями; улигеры в силу общих закономерностей, связанных с исчезновением условий, утратили свою эпическую стихотворную форму и бытуют в прозе [Баранникова, 1981. С. 18].

Вместе с тем, постепенный процесс изменения фольклорного репертуара и дальнейшей трансформации устной традиции монгольских бурят, наблюдаемый в последние десятилетия, обусловлены не только объективными факторами, связанными с разрушением естественных условий исполнения произведений народного творчества, но и в определенной степени с общественно-политическими реалиями первой половины XX в., сложившимися в стране. «Монгольские буряты пережили те же перипетии социалистического развития, что и российские» [Балдано, Дятлов, 2012. С. 257]. Так, «правительство Монголии в угоду сталинскому режиму в начале 1930-х гг. провело грандиозную чистку в рядах не только партийных деятелей страны, но и простых граждан-бурят, «предавших» страну Советов своим бегством в Монголию в пред- и послереволюционные годы... Многие репрессированные были расстреляны, а их семьи остались без кормильцев и имущества... были обречены на голодное выживание. В результате репрессий резко снизился рост бурятского населения, упал уровень жизни» [Ванчикова, Ринчинова, 2012. С. 170]. «Репрессии, помимо ощутимого снижения демографических показателей бурятской общины, тяжело сказались на ее общественном самочувствии. Из-за страха перед преследованиями буряты перестали признаваться в своей этнической принадлежности, носить национальную одежду, употреблять бурятский язык в общественных местах. Истребление бурятских мужчин вызвало значительный рост халха-бурятских браков, что в результате привело к ускоренной ассимиляции. Бурятская интеллигенция понесла наибольший урон в лице самых образованных и мыслящих людей, признанных «контрреволюционерами» [Ванчикова, Ринчинова, 2012. С. 170]. Период репрессий длился вплоть до середины 1950-х годов. Таким образом, масштабные репрессии стали не только политико-экономическим ударом по бурятской общине в Монголии, но и привели к значительным изменениям в формировании этнических черт у общности, «афишировать принадлежность к данному этносу (к бурятам. — Б.-Х. Ц.) не было принято» [Дагбаев, 2010. С. 30].

Архивные документы Монголии, где хранятся экспедиционные материалы, записанные в бурятских сомонах постсоциалистического периода, и современная ситуация показывают, что полноценно функционирующих традиционных жанров народного творчества монгольских бурят, сложно обнаружить в наши дни, это обусловлено с вышеуказанными историческими обстоятельствами и с уходом настоящих носителей аутентичной фольклорной традиции. Отмечая наибольшую устойчивость и сохранность песенного репертуара из всех традиционных жанров фольклора монгольских бурят, в том числе обрядовых песен, песен-заклинаний — приучения животного к детенышу, приходится констатировать сужение фольклорной среды и отсутствие непосредственных условий бытования живого фольклора. В большей степени в экспедиционных записях встречаются восхваления-*магтаалы* коню, победителям в состязаниях по борьбе, стрельбе из лука, песни с новым содержанием. Немаловажным фактором, повлиявшим на упрощение фольклорного репертуара и сращение отдельных элементов бурятского фольклора с халха-монгольскими устно-поэтическими традициями, является, кроме того, принадлежность, как выше подчеркивалось, бурят и монголов к одному этнокультурному пространству, их языковое родство, приведшие «к усилению языковой и этнической ассимиляции» бурят Монголии [Бурятский язык, 2020. С. 23]. Так, на судьбу фольклора в бурятской эмигрантской диаспоре в Монголии повлияли в значительной степени социально-политические факторы и естественный уход истинных знатоков традиции.

Имеющийся фольклорный багаж бурятской диаспоры в Китае отличается своим этническим своеобразием, сочетающем в себе материнские и общемонгольские традиции. Он представляет интерес для изучения живой традиции исполнения фольклора. Для бурят Внутренней Монголии характерна приверженность к сохранению исконных традиций и обрядов, им свойственно максимальное желание сберечь свою социокультурную особенность.

Анализ локальной фольклорной культуры бурят Монголии выявил утрату на современ-

ном этапе традиции исполнения эпических жанров, слабую сохранность сюжетов, мотивов сказочного фольклора, выявил процесс слияния традиционного фольклора бурят с родственным халха-монгольским, и указывает на снижение культурной самобытности в результате влияния внешних, глубоко трагичных для мигрантов, политических, социокультурных факторов. Историческая память и родовое сознание бурят Монголии, ярко проявлявшиеся в несказочной прозе в ранних записях, со временем теряют остроту, когда одним из уровней

идентификации бурят является соотнесение себя с монгольской общностью.

О традиционном фольклоре двух групп бурят, оказавшихся вне рамок исконной этнической территории, можно сказать в заключение следующее: если буряты Китая сумели сохранить фольклорные традиции лучше, чем на исторической родине, то в современном сегменте бурятского этноса в Монголии наблюдается тенденция сужения сферы функционирования традиционных форм фольклора, которые носят характер сближения с халха-монгольской культурной средой.

Использованная литература

Андреева, Белошеева, Ведерникова, Никитина, Рябов, Черенков, 2017: *Андреева Е. Д., Белошеева А. А., Ведерникова Н. М., Никитина С. Е., Рябов С. А., Черенков Л. Н.* Живые народные традиции в контексте современной культуры // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М., 2017. С. 268–289.

Andreeva E. D., Belosheeva A. A., Vedernikova N. M., Nikitina S. E., Riabov S. A., Cherenkov L. N. Zhivye narodnye traditsii v kontekste sovremennoï kultury [Living folk traditions in the context of modern culture] // V fokuse nasledii. Sbornik stateĭ, posviashchĕnnyĭ 80-letiiu Iu. A. Vedenina i 25-letiiu sozdaniia Rossiĭskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kulturnogo i prirodnogo nasledii imeni D. S. Likhachĕva. Moskva, 2017. P. 268–289.

Балдано, Дятлов, 2020: *Балдано М., Дятлов В.* Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея «собираания нации» // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012.

Baldano M., Diatlov V. Buriaty Kitaia i Mongolii v diskurse «natsional'nogo vozrozhdeniia»: ideia «sobiraniia natsii» [The Buryats of China and Mongolia in the discourse of «national revival»: the idea of «consolidating the nation»] // Mestnye soobshchestva, mestnaia vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov. Irkutsk: Ottisk, 2012.

Баранникова, 1981: *Баранникова Е. В.* Бытование бурятского фольклора в МНР // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: Калмыцкая республиканская типография, 1981. С. 3–18.

Barannikova E. V. Bytovanie buriatskogo folklor a MNR [The existence of Buryat folklore in the MPR] // Ètnografiia i folklor mongolskikh narodov. Èlista: Kalmyk Republican Printing House, 1981. P. 3–18.

Бардаханова, 1989: *Бардаханова С. С.* Сказочная традиция бурят, проживающих в МНР // Типология традиционных жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО АН СССР, 1989. С. 68–88.

Bardakhanova S. S. Skazochnaia traditsiia buriat, prozhivaiushchikh v MNR [The fairy tales tradition of the Buryats living in the MPR] // Tipologii traditsionnykh zhanrov buriatskogo folklor a. Ulan-Udĕ: Buryat Science Center SO AN SSSR, 1989. P. 68–88.

Болдохонов, 2011: *Болдохонов С. Н.* Особенности этнической идентичности реэмигрантов (на примере шэнээнских бурят) // Вестник БГУ, 2011. № 6. С. 107–109.

Boldokhonov S. N. Osobennosti ètnicheskoi identichnosti reëmigrantov (na primere shĕnĕkhĕnskikh buriat) [Features of ethnic identity re-emigrants (for example Shenehen Buryat)] // Vestnik BGU, 2011. № 6. P. 107–109.

Бурятский язык, 2020: *Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития.* Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 256 с.

Buriatskii iazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaia: sostoianie, problemy, faktory sokhraneniia i razvitiia [The Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: current status, problems, factors of preservation and development]. Ulan-Udĕ: Buryat State University publishing house, 2020.

Ванчикова, Ринчинова, 2012: *Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С.* «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ, 2012. № 4(39). С. 166–171.

Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. “Delo Lkhumbé”: repressii protiv buriat v Mongolii [“Lhumbé Case”: repressions against Buryat people in Mongolia] // Vestnik VSGUTU, 2012. № 4(39). P. 166–171.

Дагбаев, 2010: *Дагбаев Э. Д.* Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник БГУ, 2010. № 6. С. 134–141.

Dagbaev É. D. Buriatskaia étnicheskaia identichnost: mezhdú traditsiei i modernizatsiei [Buryat Ethnic identity: between Tradition and Modernization] // Vestnik BGU, 2010. № 6. P. 134–141.

Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд (Улигеры бурят Монголии), 1992: *Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд. Бүридхэгийэ Ц.-А. Дугар-Нимаев (Улигеры бурят Монголии. Составитель Ц.-А. Дугар-Нимаев).* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992.

Mongoldokhi buriaaduudai yl'gérnyyd. Byridkhégshé Ts.-A. Dugar-Nimaev (Uligery buriat Mongolii. Sostavitel' Ts.-A. Dugar-Nimaev) [The uligers of Buryats in Mongolia. Compiled by Ts.-A. Dugar-Nimaev]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1992.

Содномпилова, Нанзатов, 2018: *Содномпилова М. М. Нанзатов Б. З.* Буряты Монголии: «мы — буряты, но мы — разные» // Вестник БНЦ СО РАН, 2018. № 1(29). С. 26–33.

Sodnompilova M. M. Nanzatov B. Z. Buriaty Mongolii: «my — buriaty, no my — raznye» [Buryats of Mongolia: “we are Buryats, but we are different”] // Vestnik BNTs SO RAN, 2018. № 1(29). P. 26–33.

Хишигт, 2011: *Хишигт Н.* Буряты в Монголии: первая четверть XX века // Вестник БНЦ СО РАН, 2011. № 4. С. 185–203.

Khishigt N. Buriaty v Mongolii: pervaya chetvert XX veka [Buryats in Mongolia: first quarter of the 20 th century] // Vestnik BNTs SO RAN, 2011. № 4. P. 185–203.

TRADITIONAL FOLKLORE IN THE BURYAT DIASPORAS OF CHINA AND MONGOLIA

Badma-Khanda B. TSYBIKOVA

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

The article highlights the fate of the Buryat folklore in a different ethnic environment; it reveals the originality of enclave traditions in China and Mongolia based on the characteristics of the oral local tradition in two territorially isolated groups of Buryats abroad. The peculiarities of the existence of traditional folklore in the emigrant diasporas of the Buryats are associated with the nature of settlement, environment; an important factor that influenced the modification of folklore culture was the historical conditions, political factors of the relationship between migrants and the host society. After analyzing the folklore and ethnographic landscape of the two Buryat enclaves, the following conclusion was drawn: if the Buryats of China in a foreign socio-cultural environment feel themselves as a part of the ethnic Buryats of Russia, the Mongolian Buryats, not forgetting their roots and origin, have more reason to consider themselves an integral unit of the Mongolosphere. This situation was peculiarly expressed in the fact that the existing folklore heritage of the Buryat diaspora in China is distinguished by its ethnic identity, combining maternal and common Mongolian traditions; in Mongolia, there is a tendency to merge the traditional folklore of the Buryats with the related Khalkha-Mongolian.

Key words: folklore, Buryat diasporas in China and Mongolia.

Acknowledgement: The research was carried out within the state assignment (project “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region, № 121031000259-6).

About the author: **Badma-Khanda B. TSYBIKOVA**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Lading Rsearcher, Department of Literature and Folklore, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation) (bch58@yandex.ru).